

СТЕКЛО В РИМСКОЙ ПОЭЗИИ

Посвящается А. И. Зайцеву

Nomenque erit indelebile (Ov. Met. XV 876)

Один из тропов, знакомых римской литературе, — это сопоставление объектов неживой природы с предметами человеческой деятельности: речь идет о метафорах, которые можно было бы назвать «архитектурными». В качестве объекта сравнения в них выступают некоторые типы построек, таких как театры, амфитеатры и арки. Как показывают примеры, этот вид метафор не стоит особняком, а возможности для сравнения естественного и рукотворного в римской литературе — и в первую очередь поэзии — этим далеко не исчерпываются. Мы постараемся продемонстрировать это на примере стекла и его метафорических употреблений.

Стекло сопровождало человека издавна, появившись еще в III тыс. до н. э. в Месопотамии и Египте.¹ Древний мир знал множество разнообразных — часто трудоемких и экзотических — техник изготовления стеклянных изделий.² Назовем среди них штамповку, литье, резьбу, «технику сердечника»,³ мозаичную технику и т. д. Предметы из стекла были, по большей части, цветными, поскольку варка прозрачного бесцветного стекла долгое время была недоступной,⁴ и потому масса окрашивалась путем добавления окислов различных металлов, приобретая самые различные оттенки. Первые относительно прозрачные изделия, изготавливавшиеся путем отливки в форме, были созданы в Ассирии и датируются IX–VIII вв. до н. э.⁵ Настоящий переворот в стеклянном производстве произошел в середине I в. до н. э. в Сирии, где была изобретена

¹ Кунина Н. З. Вступительная статья // Кунина Н. З. Античное стекло в собрании Эрмитажа: Каталог выставки. СПб., 1997. С. 26.

² *Blümner H.* Glas // RE. 1899. Bd 7. Hft 1. Sp. 1382–1394.

³ Стеклянная масса накручивалась на глиняную основу, которая имела форму будущего сосуда, а внутрь этого сосуда вставлялся металлический стержень («сердечник»).

⁴ Кунина Н. З. Вступительная статья. С. 26.

⁵ Там же. С. 30.

стеклодувная трубка.⁶ Еще раньше — в начале I в. до н. э. — те же сирийцы освоили выдувание в форме. Несколько прекрасных образцов сосудов, сделанных по этой технологии, хранятся в коллекции Государственного Эрмитажа: по сложности формы и прозрачности они ничем не уступают свободно выдутым.⁷ Впоследствии многие сирийские ремесленники переселились в Италию, и техника выдувания широко распространилась на Апеннинском полуострове, а затем и в Галлии.

От истории стекла перейдем к истории слова *vitrum*. Среди ученых нет согласия относительно его этимологии. Так, словарь А. Эрну и А. Мейе⁸ оставляет слово без этимологии, считая его при этом заимствованием. С ним солидарен и Ф. Бёмер, высказывающий эту точку зрения в последнем фундаментальном комментарии к «Метаморфозам» Овидия.⁹ Более ранний словарь М. Бреалья и А. Байи также отказывается от попыток объяснить происхождение *vitrum*.¹⁰ Словарь А. Вальде и Дж. Хофмана,¹¹ напротив, уверенно сближает *vitrum* с санскритским *śvitraḥ* ('белый') и русским 'свет'. А. Ванічек усматривает¹² родство с корнем *vid-* (*videre*): по этой (маловероятной!) версии, стекло названо так потому, что оно представляет собой прозрачную субстанцию, сквозь которую проникает взгляд.

Пожалуй, более информативным для выяснения семантики *vitrum* может быть употребление этого слова для обозначения травы «вайда» (иначе «синильник»), упоминаемой Цезарем при описании военных обычаев британцев. Для устрашения противника жители острова окрашивали себя соком вайды в синий цвет (B. G. V, 14, 3). Кроме Цезаря, слово *vitrum* для обозначения вайды используют Витрувий (VII, 14, 2) и Помпоний Мела (III, 51). Для этого рас-

⁶ Blümner H. Glas. S. 1383; Кунина Н. З. Вступительная статья. С. 34.

⁷ Кунина Н. З. Античное стекло... Кат. 110, 113, 115–119 и т. д.; Илл. 71, 73–78 и т. д.

⁸ Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine: Histoire des mots. 4e éd. Paris, 1967. S. v. vitrum.

⁹ Ovidius Naso. Metamorphosen: Buch IV–V / Komm. v. F. Bömer. Heidelberg, 1976. S. 124 (Ad IV, 355).

¹⁰ Bréal M., Bailly A. Dictionnaire étymologique latin: 3e éd. Paris, 1891. S. v. vitrum.

¹¹ Walde A., Hofmann J. B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch: 3 Aufl. Bd 2. Heidelberg, 1956. S. v. vitrum.

¹² Vaníček A. Etymologisches Wörterbuch der Lateinischen Sprache. Leipzig, 1881. S. v. vitrum.

тения засвидетельствованы и другие названия: *glastum* (Plin. Nat. XXII, 2) и *isatis*: последнее могло писаться и по-латыни (Plin. Nat. XXVI, 39) и по-гречески — ἰσάτις (Plin. Nat. XX, 59).

Словарь А. Эрну и А. Мейе указывает на то, что не следует разделять названия стекла и растения¹³, т. е. речь идет об одном и том же слове. Если это мнение верно, то мы имеем дело с метонимией: краситель, получаемый из вайды, назван по наиболее распространенному цвету стекла — синему. В словаре А. Вальде и Дж. Хофмана отражена двойственная позиция: с одной стороны, авторы не исключают возможности того, что перед нами одно слово,¹⁴ с другой, приводят германские параллели названия растения в частности, немецкое *Waid* и английское *woad*, таким образом указывая на близость корней. На родстве латинского *vitrum* и английского *woad* настаивает и словарь OLD под редакцией П. Глэра.¹⁵ Думается, второе предположение ближе к истине, однако не будет большой натяжкой утверждать, что для носителей латинского языка была несомненна связь цвета стекла (в данном случае синего) и краски, изготавливаемой из растения.

Среди однокоренных слов той же группы можно также упомянуть *vitreamen* (стеклянная утварь), *vitarius* / *vitrearius* (стеклодув), *vitrago* (стенница).¹⁶ Мы остановимся подробнее на существительном *vitrum* и прилагательном *vitreus*, поскольку они (в отличие от других родственных слов) демонстрируют многочисленные примеры переносного употребления.

Заметим сразу же, что прилагательное употребляется в поэзии чаще. Соотношение может быть разным: так, у Горация и Овидия *vitreus* опережает *vitrum* всего на один пример; у Стация и Клавдиана существительное встречается единожды, тогда как прилагательное используется соответственно восемь и десять раз; у Авзо-

¹³ «Il n'y a pas lieu de séparer *vitrum* du nom de la plante» (Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique..., s. v.).

¹⁴ «Am ehesten aber besteht Identität mit *vitrum*²» (Walde A., Hofmann J. B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, s. v. *vitrum*¹). Под *vitrum*² подразумевается вайда.

¹⁵ OLD. P. 2081.

¹⁶ Слово обозначает род травы из семейства крапивных, которая использовалась для полировки глиняных и стеклянных сосудов (см: Hofmann J. J. Lexicon Universale. T. 1–4. T. 4. Luchtmans, 1698; а также: A Glossary of Later Latin to 600 A. D. / Compl. by A. Souter. Oxford, 1949. S. v. *vitrago*).

ния *vitrum* отсутствует вообще.¹⁷ Таким образом, начиная с «серебряного века» в поэзии можно наблюдать тенденцию вытеснения существительного *vitrum* прилагательным.

Начнем наше рассмотрение с Клавдиана. Во-первых, это самый поздний в ряду значительных латинских языческих поэтов. При этом перед нами автор, который умело и всеобъемлюще использует предшествующую традицию, в силу чего мы получаем возможность оценить степень его традиционности и новаторства. Во-вторых, Клавдиан чаще других латинских поэтов использует *vitrum* и *vitreus* метафорически: таковы восемь из его одиннадцати употреблений. Исключение составляют два стихотворения из цикла «*Carmina minora*», где говорится о стеклянной сфере Архимеда — своеобразном глобусе (*Carmin. min.* XLIII, 1; LI, 1), и эпизод из «Похищения Прозерпины» (*De raptu III*, 265–268), в котором идет речь о зеркале. По общему количеству примеров Клавдиан уступает только Марциалу (14 упоминаний), однако в словоупотреблении у поэтов есть важное различие: в абсолютном большинстве случаев Марциал говорит о стекле как о материале, из которого сделаны всевозможные сосуды или фигурки.¹⁸ Конечно, в данном случае мы также имеем дело с переносным употреблением, когда предмет метонимически именуется по материалу, из которого он изготовлен. Однако такой перенос ощущается как вполне стершийся, и к тому же он никоим образом не связан со свойствами стекла.

Выше было сказано, что Клавдиан употребляет существительное *vitrum* всего один раз, описывая сферу Архимеда (*Carmin. min.* LI, 1). Как же поэт использует прилагательное *vitreus*? Можно заметить, что все случаи применения этого эпитета так или иначе связаны с водой или морскими богами. Например, описывая источник Апон, Клавдиан характеризует его воды именно этим прилагательным («*vitreis. . . vadis*» — *Carmin. min.* XXVI, 32). В «Эпиталамии» Венера собирается в путь, чтобы устроить брак императора Гонория и Марии. Богиня намеревается путешествовать на Тритоне, отыскать которого предстоит ее свите, нырнув «*vitreas. . . in undas*» (X, 128). В инвективе «Против Евтропия» упоми-

¹⁷У Марциала соотношение употребления существительного и прилагательного 1:1, однако это объясняется тем, что поэт, как правило, пишет о стеклянной утвари.

¹⁸Только трижды в стихах Марциала прозрачность воды уподобляется прозрачности стекла (IV, 22, 5; 85, 1; XII, 2, 13).

нается Галл, река в Вифинии, — приток Сангария. Определением к Gallus здесь также выступает vitreus (XX, 263).

Что же касается перевода этого прилагательного, то в приведенных примерах оно, по всей видимости, означает «зеленоватоголубой». Однако можно ли с полной уверенностью исключить вариант «прозрачный» (во всяком случае, для Carm. min. XXVI, 32)? Прочитируем полностью стих 32 из упомянутого ранее «Апона»: «sed vitreis idem [sc. Aponus] lucidus usque vadis» («но при этом [Апон] всегда прозрачен стеклянными водами»). Выше в тексте идиллии говорится о том, что к источнику нельзя прикоснуться из-за высокой температуры воды (ст. 31), а далее Клавдиан пишет о предусмотрительности природы, которая пропускает взор туда, куда не может попасть сам человек (ст. 33–34). С одной стороны, естественно понять, что vitreus в этом случае — синоним к liquidus и обозначает прозрачность; с другой, столь же естественно предположить и цветную составляющую: голубая вода вполне может быть прозрачной. Решение подскажет второй случай употребления словосочетания «vitrea vada» у Клавдиана. В «Похищении Прозерпины» Церера, отправляясь к Кибеле, оставляет дочь дома за вышиванием. Девушка украшает покрывало многоцветной картиной мира (I, 246 sqq.), в которую входит и океан, текущий «vitreis... /... vadis» (I, 268–269). Совершенно очевидно, что если бы нити были бесцветными, рисунка на ткани не было бы видно.

Употребляя vitreus по отношению к морской или речной воде, Клавдиан идет по пути своих предшественников. Так, словосочетание «vitrea unda», впервые засвидетельствованное в «Энеиде» Вергилия (VII, 759), дожило до «Мозеллы» Авзония (XX, 195 — в форме множественного числа).¹⁹ Гораций и Стаций пишут о «vitreus pontus» (Hor. Carm. IV, 2, 3–4; Stat. Silv. II, 2, 49), Марциал и Плиний Младший упоминают подобный стеклу источник («vitreus torrens» — Mart. XII, 2, 13; «fons vitreus» — Plin. Ep. VIII, 8, 2). И примеры такого рода можно было бы продолжить. Заметим при этом, что Клавдиан — единственный, кто употребляет vitreus в сочетании с vadum. Таким образом, поэт верен себе: опираясь на образцы, он создает вариацию.

Хорошо известна устойчивая поэтическая традиция определе-

¹⁹Также ср.: Ov. Met. V, 48 и Mart. VI, 68, 7.

ния богов воды при помощи эпитетов, обозначающих цвета моря: таким образом, эпитет, применяемый к водной стихии, переносится и на ее обитателей. Время зарождения этой традиции прослеживается не вполне отчетливо. Так, в «Илиаде» и «Одиссее» Посейдон несколько раз назван *κυανοχαίτης*, т. е. ‘с иссиня-черными волосами’ (И. XIII, 563; XIV, 390; XV, 174; XX, 149; Od. III, 6; IX, 536 etc.). Возможно, в этом же ряду следует рассматривать и эпитет супруги Посейдона Амфитриты *κυανῶπις* «с темно-синими глазами» (Od. XII, 60). Прилагательное *κυάνεος* (атт. *κυανῶς*) обозначает глубокий оттенок синего цвета, почти переходящего в черный. Латинской параллелью в данном случае служит *caeruleus* / *caerulus*. Тот факт, что это прилагательное могло называть темный цвет, наглядно демонстрируется отрывком из «Энеиды», в котором описываются похороны троянца Полидора: головы скорбящих повязаны «*caeruleis... vittis*» («темными повязками» — Aen. III, 64). *Caeruleus* в этой ситуации знаменует цвет траура. Сервий в комментарии к поэме поясняет, что «древние, конечно, понимали *caeruleum* как ‘черный’» («*veteres sane caeruleum nigrum accipiebant*» — Serv. Ad locum). В греческом языке *κυάνεος* также могло обозначать траур: именно так описывается покрывало Фетиды, скорбящей о предначертанной гибели сына (И. XXIV, 94). К осторожности в понимании определения *κυανοχαίτης* как морского эпитета призывают два факта. Во-первых, этим прилагательным Гомер характеризует не только владыку моря, но и Зевса (И. XX, 144), а также гриву коня, в которого обратился Борей (И. XX, 224). Во-вторых, в гомеровском эпосе мы еще не найдем примеров, в которых прилагательное *κυάνεος* использовалось бы и при описании моря.²⁰ Впервые такое определение воды встречается у Симонида (*κυανέου ὕδατος* — 567, 4),²¹ а еще позднее и Еврипид называет морскую гладь «*κυάνεον ἄλα*» (Iph. Taur. 7).

Судя по данным электронного тезауруса и индекса Г. Фатуроса,²² греческая поэзия эпохи архаики не предоставляет надежных примеров, которые могли бы проиллюстрировать перенесение эпитетов, обозначающих цвет воды, на божества той же стихии.

²⁰Из прилагательных близкой цветовой гаммы при описании воды Гомер использует *γλαυκός* ‘голубой’ или ‘серый’ («*γλαυκή...θάλασσα*» — И. XVI, 34).

²¹Нумерация приводится по изданию: *Poetae melici Graeci* / Ed. D. L. Page. Oxford, 1962.

²²*Index verborum zur frühgriechischen Lyrik* / Von G. Fatouros. Heidelberg, 1966.

Исключение составляют только имена двух nereid, восходящие к тому же корню, что и прилагательное *γλαυκός*:²³ речь идет о Главке (*Γλαύκη* — *Hom. Il. XVIII, 39*; *Hes. Theog. 244*) и Главкономе (*Γλαυκονόμη* — *Hes. Theog. 256*), упоминающихся в «каталогах» nereid «Илиады» и «Теогонии». В то же время ни у Гомера, ни у Гесиода еще не встречается имя морского бога Главка (*Γλαῦκος*).²⁴

Впрочем, уже в поэзии Еврипида засвидетельствован перенос цвета моря на само божество. Так, в хоровой партии «Елены» упоминается nereida «Галена, лазурная дочь Понта» (*γλαυκὰ δὲ Πόντου θυγάτηρ / Γαλάνεια* — *Hel. 1457–1458*): перенос эпитета в данном случае можно считать эналлагой. Со временем количество примеров возрастает: Феокрит пишет о лазурных nereidaх и Амфитрите (*Idyll. VII, 59*; *XXI, 55*); о ней же говорит и Оппиан (*γλαυκὴ ... Ἀμφιτρίτη* — *Hal. I, 791*); у Нонна в поэме «Деяния Диониса» наяда «нырнула в воду того же цвета» (*ἐδύσατο σύγχροον ὕδωρ* — *D. XLII, 108*). Авторы «*Anthologia Graeca*» также используют этот прием: Леонид называет «лазурным» Тритона (*VII, 550, 1*), Филодем — морскую богиню Ино, упоминаемую им под ее культовым эпитетом «Левкотея» (*VI, 349, 1*).

В римской литературе перенос эпитетов, использующихся при описании цвета воды, на божества моря представляет собой весьма распространенное явление. Приведем только несколько примеров. Так, прилагательное *caeruleus* может характеризовать Нептуна («*caeruleus frater*» — *Ov. Met. I, 275*), Протея (*Verg. Georg. IV, 388*), Тритона (*Ov. Met. I, 333*), Нерея (*Ov. Ep. IX, 14*), Фетиду (*Tib. I, 5, 46*) и др. Нимфы у Стация названы «*deae virides*» (*Silv. I, 5, 15*). Наконец, этот ряд продолжает и прилагательное *vitreus*, которое становится, таким образом, синонимом и к *caeruleus* и к *viridis*. Любопытно, что если по отношению к воде эпитет «стеклянный» стал достаточно активно использоваться уже в поэзии I в. до н. э., то по отношению к морским божествам он оказался употребленным всего один раз и только в IV в.: так, Авзоний в «Мозелле» называет нимф «*vitreasque sorores*» (*XX, 179*). Эпитет *vitreus* может определять и различные части тела морских и водных божеств. В приведенном выше месте из «Сильв» Стация поэт обращается

²³ *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots. Paris, 1968. *S. v.* *γλαυκός*.

²⁴ Гомер пишет о двух Главках: сыне Гиполоха (*Il. VI, 119 etc.*) и сыне Сизифа (*Il. VI, 154 etc.*).

к «зеленым богиням» (нимфам), чтобы те украсили свои подобные стеклу волосы венками из плюща («vitreum... crinem» — *Silv.* I, 5, 16). Клавдиан, детально описывая одеяние Прозерпины, упоминает, что с левой стороны выткано изображение Фетиды, которая кормит малютку Луну молоком, источаемым «грудью цвета моря» («vitrei... / uberis» — *De raptu II*, 53–54).

Если морские обитатели принимают зеленовато-голубой цвет воды, то таковыми же становятся и окружающие их предметы. В сочинении Клавдиана «О шестом консульстве Гонория» речной бог Эридан погружен в думы в голубой пещере («vitreisque sub antris» — *XXVIII*, 146). Словосочетание «vitrea antra» встречаются у поэта еще один раз, когда он описывает место пребывания Океана (*XII*, 34). Уже у Вергилия в «Георгиках» говорится о нимфах, которые, сидя под водой на голубых скамьях («vitreisque sedilibus» — *IV*, 350), внимают рассказу о происхождении мира и богов. Цвет стекла может принимать и одежда водного божества. Так, Клавдиан описывает плащ бога Тиберина, который соткала его супруга Илия из материи (tela), названной vitrea (*I*, 225). Помимо этого эпитета, Тиберин охарактеризован и другими, также применяемыми по отношению к водным божествам: его глаза (lumina) названы glauca (214), а взгляд отмечен «caeruleis... notis» («голубыми метками» — 215), которые свидетельствуют о том, что его отец — Океан.

Итак, Клавдиан использовал только одно из значений прилагательного vitreus — то, что указывает на зеленовато-голубой цвет стекла. По всей видимости, именно это значение следует признать первичным. Однако, как показывают примеры из более ранних поэтических текстов, авторы отмечали и другие свойства этого вещества — его прозрачность, способность отражать свет и хрупкость. В сознании современного читателя сравнение «прозрачный, как стекло» давно уже стало банальным, однако таким оно было не всегда, поскольку и само стекло далеко не сразу приобрело свойства прозрачности. Как было показано выше, только после изобретения процесса выдувания стекла в середине I в. до н. э. стали появляться сосуды из бесцветного прозрачного стекла.

Тот факт, что стекло не считалось априори бесцветным, могут подтвердить некоторые эпитеты, сопровождающие существительное vitrum. Марциал, в частности, пишет о Клеопатре, которая, нырнув в воду, пытается скрыться от супруга, однако прозрачная глубина выдает ее. Поэт сравнивает невозможность спрятать-

ся под водой с невозможностью скрыть под стеклом цветы (IV, 22, 5):

Condita sic puro numerantur lilia vitro

‘Так можно исчислить лилии, спрятанные под прозрачным [букв. чистым] стеклом’.

Этот мотив Марциал заимствует из рассказа о Гермафродите в «Метаморфозах» Овидия: юноша бросается в воду, спасаясь от влюбленной в него наяды Салмакиды, но:

*In liquidis translucet aquis, ut eburnea si quis
Signa tegat claro vel candida lilia vitro (Met. IV, 354–355)*

‘Просвечивает сквозь прозрачную воду, как если бы кто-то покрыл изваяния из слоновой кости или белоснежные лилии просвечивающим стеклом’.

В обоих случаях авторы подчеркивают прозрачность стекла при помощи определений. Если для Овидия предметы из бесцветного стекла еще только становятся фактом действительности, то для Марциала, жившего веком позже и видевшего подобные сосуды в значительном количестве, употребление эпитета *clarus*, скорее, должно свидетельствовать о желании отдать дань своему предшественнику.

Как мы видим, стекло не хранит секретов. Впервые в латинской поэзии это отразил Гораций, который в оде, обращенной к Квинтилию Вару (I, 18), говорит о том, что излишнее поклонение Вакху вызывает «слепое себялюбие» («*caecus amor sibi*» — I, 18, 14), чрезмерное тщеславие и болтливость,²⁵ предательски разглашающую тайны. Покров, защищающий доверенные секреты, становится «прозрачнее стекла» («*perlucidior vitro*» — I, 18, 16). Марциал иронизирует по поводу дешевого вина, которое пьет сотрапезник. Если бы Понтик пил из стеклянного сосуда, всем бы стало очевидно плохое качество напитка (IV, 85, 1–2):

*Nos bibimus vitro, tu murrha, Pontice. Quare?
Prodat perspicuus ne duo vina calix*

²⁵У Горация «*arcanique fides prodiga*» (I, 18, 16). По-видимому, прав Д. Гоу, который предлагает понимать *fides* как *mala fides* (*perfidia*) (*Q. Horati Flacci Carmina. Liber Epodon / With Intr. and Notes by J. Gow. Cambridge, 1896. Ad loc.*): вино развязывает язык и заставляет выдавать тайны.

‘Я пью из стекла, ты же, Понтик, из мурры.²⁶ В чем же дело? Чтобы прозрачный кубок не выдал [различие] двух вин’.

Однако стекло способно раскрывать не только дурное. Мозелла в описании Авзония с готовностью показывает свои глубины и живущих в них обитателей (XX, 55–56):

Spectaris vitreo per levia terga profundo,
Secreti nihil, amnis, habens

‘Твоя стеклянная глубина видна сквозь гладкую поверхность; у тебя, река, нет тайн’.

Наряду с прилагательным *vitreus* в латинском языке существуют и другие (более распространенные) способы для выражения прозрачности: таковы, например, *perspicuus*, *perlucidus*, *liquidus*, *purgus*, *clarus*.

Заключая разговор еще об одном значении слова *vitreus*, отметим, что далеко не всегда можно прийти к уверенному выводу в пользу перевода «прозрачный, бесцветный» или «зеленоватоголубой». Конечно, мы ни в коей мере не стараемся противопоставить эти значения: голубая вода прозрачна. Но если говорить о наличии антитезы, то мы понимаем ее как наличие цвета или его отсутствие. Сопоставим два примера, которые могли бы проиллюстрировать оба значения прилагательного. Фетида в первой песне поэмы Стация «Ахиллеида», боясь за жизнь сына, не хочет, чтобы тот отправлялся под Трою, а потому богиня «устрашилась идейских весел²⁷ в голубом море» («*Idaeos <...> / <...> exravit vitreo sub gurgite remos*» — Achil. I, 25–26). В стихотворении Асмения «Похвала саду»²⁸ мы читаем:

Aquae strepentis vitreus lambit liquor
Sulcoque ductus irrigat rivus sata (9–10)

‘Прозрачная влага шумящей воды омывает посевы, и ручей, текущий по борозде, орошает их’.

Нам представляется, что выбор перевода прилагательного *vit-*

²⁶Murtha — так называемый плавиковый шпат: минерал, существующий в виде полупрозрачных кристаллов. Сосуды из этого материала были более мутными, чем стеклянные.

²⁷«*Idaei remi*» — «идейские весла», т. е. корабли, которым предстояло отправиться в плавание к Трое.

²⁸Anth. Lat.: Baehrens IV, 151.

geus будет зависеть от того, о какой именно водной стихии идет речь: в тех случаях, когда это определение характеризует море (т.е. большие водные просторы), vitreus, скорее, обозначает цвет; в тех же случаях, когда этот эпитет употребляется по отношению к меньшему водному пространству (источнику, ручью, реке), vitreus, скорее, обозначает отсутствие цвета и прозрачность.

Иногда, впрочем, поэтический текст может дать прямое указание на способ перевода прилагательного vitreus. Так, Авзоний, завершая цикл о знаменитых городах похвалой родной Бурдигале, с восхищением описывает источник Дивону (XXI, 20, 157–158):

Salve, fons ignote ortu, sacer, alme, perennis,
Vitree, glauce, profunde, sonore, inlimis, opace

‘Здравствуй, ключ, [чей] исток неизвестен! Священный, живительный, неиссякаемый, прозрачный, голубой, глубокий, звонкий, незамутненный, покрытый сенью!’

Автор ставит рядом два определения: vitreus и glaucus. Первое обозначает прозрачность; второе — цвет.

Одно из свойств стекла, нашедших отражение в латинской поэзии, — это его блеск и способность отражать свет. Самый знаменитый (и наиболее ранний) пример такого рода мы находим в оде Горация о бандузийском источнике: «O fons Bandusiae, splendidior vitro» (‘О источник Бандузии, более сверкающий, чем стекло’ — III, 13, 1). Сравнение с блеском стекла видят в этом месте авторы новейшего комментария к одам Горация Р. Нисбет и Н. Радд,²⁹ а еще ранее эту точку зрения аргументировал и Г. Вильямс.³⁰ Мы не согласны с его очень убедительным в целом рассуждением только в том пункте, что Гораций использовал значение «блестящий» во избежание банального «прозрачный».³¹ Как мы попытались показать выше, это значение во времена Горация вовсе не было привычным и расхожим. М. Л. Гаспаров также видит в прилагательном splendidus указание на блеск: «О источник Бандузии, блещущий ярче

²⁹A Commentary on Horace «Odes»: Book 3 / Ed. by R. G. M. Nisbet, N. Rudd. Oxford, 2004. Ad loc.

³⁰Williams G. Tradition and Originality in Roman Poetry. Oxford, 1968. P. 673–674.

³¹Ibid. P. 674.

стекла». ³² В более ранней литературе о Горации преобладал иной взгляд: так, Э. Уикем ³³ усматривал в этой оде сравнение чистоты воды источника с прозрачностью стекла; в издании А. Кисслинга и Р. Хайнце ³⁴ также было высказано мнение, что Гораций имел в виду прозрачность ключа. Впрочем, и сегодня не все принимают трактовку «блестящий, как стекло». Э. Шмидт, например, в монографии о сабинском имени Горация полагает, что поэт под словом *splendidior* подразумевал «более прекрасный» (*schöner*). ³⁵ У. Эллигер ³⁶ видит в определении *vitreus* цветовой контраст к следующему «*tubro sanguine*» (III, 13, 7).

Способность стекла блестеть отмечается и в других латинских источниках. Так, у Овидия в одной из «Любовных элегий» «проходит время ночи влажное от стеклянной росы» («*vitreo madentia rore / tempora noctis eunt*» — *Am.* I, 6, 55–56). Ариадна в письме к Тезею также вспоминает о том, что он ее покинул на рассвете, когда на землю выпала «стеклянная роса» (*Ep.* X, 9). Прилагательное *vitreus* в обоих случаях было бы недостаточным перевести как ‘прозрачный’: роса еще и сверкает. Овидию вторит и Апулей, описывающий водный поток: «*fluvius <...> ibat argento vel vitro aemulus in colorem*» (‘протекал поток, соперничавший цветом с серебром или стеклом’ — *Met.* I, 19, 16). Очевидно, что автор имеет в виду не какой-то особенный «серебряный» цвет, а блеск и сияние этого металла. В то же время степень распространенности значения «блестящий» не стоит преувеличивать. Однако именно так поступает Я. Ван Дам в комментарии (в целом очень вдумчивом) к «Сильвам» Стация: обсуждая употребление прилагательного *vitreus* в *Silv.* II, 2, 49 («*vitreoque... ponto*»), он пишет, что для поэта во всех случаях использования этого эпитета важна не столько про-

³² Гаспаров М. Л. Толика и композиция гимнов Горация // Поэтика древнеримской литературы: Жанры и стиль / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М., 1989. С. 116.

³³ *The Works of Horace: Ed. 3 / Ed. by E. C. Wickham. Vol. 1. Oxford, 1896. Ad loc.*

³⁴ *Q. Horatius Flaccus. Oden und Epoden / Erkl. v. A. Kiessling. 5. Aufl. besorgt v. R. Heinze. Berlin, 1908. Ad loc.*

³⁵ *Schmidt E. A. Sabinum: Horaz und sein Landgut im Licentztal. Heidelberg, 1993. S. 115.*

³⁶ *Elliger W. Die Darstellung der Landschaft in der griechischen Dichtung. Berlin; New York, 1975. S. 441 (Untersuchungen zur antiken Literatur und Geschichte. Bd 15).*

зрачность, сколько блеск и способность к отражению.³⁷ И если в некоторых случаях с комментатором можно было бы согласиться (Silv. I, 3, 73; II, 3, 5), то другие приведенные им примеры решительно не подходят под значение «блестящий»: так, в Silv. I, 5, 16 говорится о голубых волосах нимф, а в Silv. III, 2, 16 идет речь о пещерах цвета моря, в которых обитают nereиды.

Помимо прозрачности и блеска в поэзии отразилось еще одно свойство стекла — его хрупкость. По-видимому, именно так следует трактовать выражение Горация «vitrea fama» (Serm. II, 222). Поэт представляет диалог между промотавшим наследство Дамазином и его наставником, стойким Стертением. Последний приводит примеры безумств, совершенных Аяксом, набросившимся на невинное стадо, и Агамемноном, принесшим в жертву собственную дочь. Они совершили преступления в угоду славе, которая непрочна, как и стекло. Иногда, кроме хрупкости, в этом месте сатиры Горация видят намек и на блеск стекла:³⁸ слава привлекательно сияет, но ее благосклонность непрочна. Тот же мотив встречается и в сентенциях Публилия Сира: «Fortuna vitrea est: tum cum splendet, frangitur» ('фортуна подобна стеклу — засверкав, раскалывается' — Sent. 24). Хрупкому стеклу уподобляет земную жизнь и христианский поэт III в. Коммодиан (Instructiones I, 26, 17).

В заключение разговора о стекле в латинской поэзии хотелось бы остановиться еще на одном его упоминании у Горация. Поэт, обращаясь к некой Тиндариде (Carm. I, 17), приглашает ее покинуть Рим и провести время на лоне природы. Гораций хочет, чтобы Тиндариде спела ему о «страдающих по одному»³⁹ Пенелопе и стеклянной Цирцее («laborantis in uno / Penelopen vitreamque Circe» — 19–20). Эпитет vitreus применительно к Цирцее кажется не очень понятным, и издавна истолковывался по-разному. Античные комментаторы Горация полагают, что это определение указывает или на красоту волшебницы (Порфирион,⁴⁰ Псевдо-Акрон⁴¹)

³⁷ P. Papinius Statius. Silvae Book II / A Comm. by H.-J. Van Dam. Leiden, 1984. P. 225–226.

³⁸ Q. Horati Flacci Opera / With Notes by T. E. Page, A. Palmer, A. S. Wilkins. London, 1933. Ad loc.

³⁹ Имеется в виду Улисс.

⁴⁰ Vitream Circe parum decore mihi videtur dixisse pro candida.

⁴¹ Aut pulchram aut procurato lucentem nitore aut mari vicinam.

или на ее связь с морем (Псевдо-Акрон). Д. Гоу⁴² и Т. Пэйдж⁴³ видят в эпитете *vitreus* указание на цвет воды, т. е. Цирцея уподобляется морским нимфам. В издании А. Кислинга и Р. Хайнце⁴⁴ высказывается предположение о том, что коварная Цирцея названа так из-за того, что она подобна стеклу, которое сверкает, но легко бьется. Наиболее обстоятельный анализ этого места мы находим у Р. Нисбета и М. Хаббард.⁴⁵ Комментаторы предлагают остроумную версию, основывающуюся на своеобразии античного стекла — загадочного и необычного. С их точки зрения, Цирцея именуется «стеклянной» как *femme fatale*, живущая в темных лесах. Между тем, утверждение о том, что Гораций не знал прозрачного стекла,⁴⁶ строится на неверном выводе Д. Хардена, полагавшего, что бесцветное стекло появилось через два века после смерти поэта. Этому противоречат археологические данные, предоставляющие прекрасные образцы такой посуды, датируемые, по меньшей мере, первой половиной I в. н. э.⁴⁷ Если принять предположение Р. Нисбета и М. Хаббард, то окажется, что Гораций употребляет прилагательное *vitreus* в значении, которое не встречается ни до него, ни после — «загадочно блистающий». В подтверждение своего предположения авторы ссылаются на Стация, который заимствует из оды Горация словосочетание «*vitrea Circe*»: «*vitreae iuga perfida Circes*» («предательские узы подобной стеклу Цирцеи» — *Silv.* I, 3, 85). По мысли Р. Нисбета и М. Хаббард, Стаций видел в тексте Горация намек на нечто злое («*something sinister*»). Нам представляется, однако, что Стаций, цитирующий необычное выражение своего предшественника, вкладывает отрицательный смысл не столько в эпитет *vitreus*, сколько *perfidus*, восходящий к гомеровским определениям волшебницы *δολοφρονέουσα* «злоумышляющая» (*Od.* X, 339) и *δολέεσσα* «коварная» (*Od.* IX, 31).

Р. Нисбет и М. Хаббард обсуждают и другую возможность толкования эпитета Цирцеи — через ее связь с божествами моря. Действительно, Гомер называет колдунью дочерью океаниды Персы

⁴² *Q. Horati Flacci Carmina. Liber Epodon / With Intr. and Notes by J. Gow.* Cambridge, 1896. Ad loc.

⁴³ *Q. Horati Flacci Opera...* Ad loc.

⁴⁴ *Q. Horatius Flaccus. Oden und Epoden.* Ad loc.

⁴⁵ *A Commentary on Horace «Odes»: Book 1 / Ed by R. G. M. Nisbet, M. Hubbard.* Oxford, 1970. P. 224–225 (=2001).

⁴⁶ *A Commentary on Horace «Odes».* P. 224.

⁴⁷ Например, см.: *Кунина Н. З. Античное стекло...* Кат. 183. Илл. 113 и т. д.

(Od. X, 139). Однако если взглянуть на немногочисленные эпитеты, сопровождающую Цирцею в греческой и римской традиции, то среди них нет ни одного, который бы указывал на то, что она морская богиня. Так, Гомер, называя ее коварной, упоминает также прекрасные волосы волшебницы (εὐπλόχαμος — Od. X, 136); у Гесиода она владеет многими снадобьями (πολυφάρμακος — Fr. 302, 15); Стаций в поэме «Фиваида» именует Цирцею *simulatrix* ‘волшебница’ (Theb. IV, 551); Тибулл пишет о «лукавой» колдунье (III, 7, 61). Р. Нисбет и М. Хаббард делают заслуживающее внимания предположение, что Гораций мог перенести «морской» эпитет на Цирцею с нимфы Каллипсо, также влюбленной в Улисса. Такое допущение, конечно, вызывает определенные трудности, однако его преимущество, на наш взгляд, заключается в том, что *vitreus* в этом случае не придется толковать, исходя из образа коварной Цирцеи, и значение прилагательного («цвета моря») могло бы встроиться в уже существующий ряд.

Подводя итог, отметим, что именно в поэзии Горация отразились все обсуждавшиеся свойства стекла: зеленовато-голубой цвет, прозрачность, блеск и хрупкость — многообразие, не встречающееся более ни у кого из поэтов следующих поколений.

Несмотря на то что Клавдиан чаще своих предшественников использует прилагательное *vitreus*, поэт обратил внимание только на одну характеристику стекла — его цвет, и потому это слово у Клавдиана всегда означает «зеленовато-голубой». Таким образом, поэт использует то значение прилагательного, которое, по всей видимости, первичное.

Прилагательное *vitreus* употребляется в поэзии значительно чаще, чем существительное, и начиная с «серебряного века» в поэзии можно наблюдать тенденцию вытеснения существительного *vitrum* однокоренным прилагательным.

Сознавая тонкую грань между возможностью перевода прилагательного *vitreus* как ‘прозрачный’ или ‘зеленовато-голубой’, выделим критерий, который мог бы, на наш взгляд, помочь в проведении такого разграничения: если эпитет относится к большим водным пространствам (морю), то *vitreus*, скорее, обозначает цвет, если же говорится об источнике или реке, то прилагательное, по видимому, указывает на прозрачность и отсутствие цвета.

Summary

The article touches upon metaphorical usage of *vitrum* and *vitreus* in the Roman poetry of I century B. C. — IV century A. D. After commenting on different etymologies of the word *vitrum*, the author discusses various characteristics of glass found in poetical texts: its aquamarine colour, transparency, glitter, and brittleness. It is stated that Horace was the only Roman poet to mention all of them. At the same time, Claudian who makes use of *vitreus* more frequently than any of his predecessors pays attention only to the bluish colour of glass and thus pays tribute to the meaning, which is likely to be the original one. The author observes that starting with the so-called Silver Age poetry the adjective *vitreus* gradually replaces the noun. The article puts forward a criterion that might help to draw a distinction between the meanings of *vitreus* «transparent» and «aquamarine»: when the epithet is related to the sea, *vitreus* would rather mean colour; when it deals with a spring or a stream, the adjective apparently points out transparency and the lack of colour.